

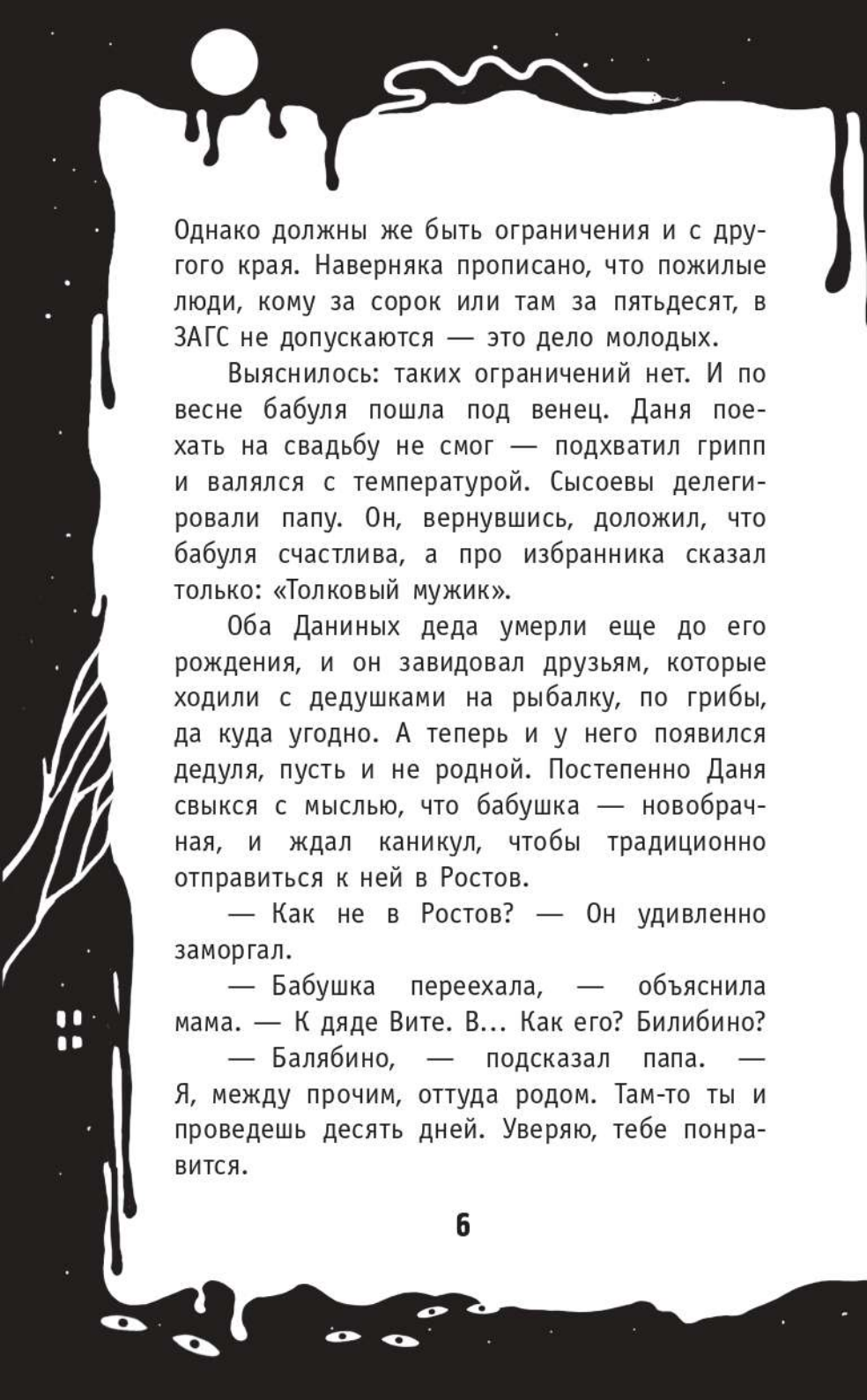
Глава 1

ПАРОВОЗ-ПРИЗРАК ПРИБЫВАЕТ В БАЛЯБИНО

О предстоящей бабушкиной свадьбе Даня Сысоев узнал зимой. Узнал и не поверил — решил, что это какой-то розыгрыш. Бабуля у Дани была веселой, неугомонной, ходила на бокс, занималась альпинизмом, а посиделкам на лавочке предпочитала скандинавскую ходьбу. Благодаря многочисленным хобби она частенько мелькала на региональном телевидении. А теперь и вовсе... собралась замуж?

Папу новость изумила. Он хохотал и хлопал себя по коленям, повторяя: «Ну, мать, ну дает!» А мама говорила: «Радоваться нужно, что хорошего человека встретила, тем более они друг друга всю жизнь знают!»

Даня и не подозревал, что закон позволяет расписываться в любом возрасте. То есть ясно: самому Дане в его *почти тринадцат*ь жениться нельзя — но он и не хотел.

Однако должны же быть ограничения и с другого края. Наверняка прописано, что пожилые люди, кому за сорок или там за пятьдесят, в ЗАГС не допускаются — это дело молодых.

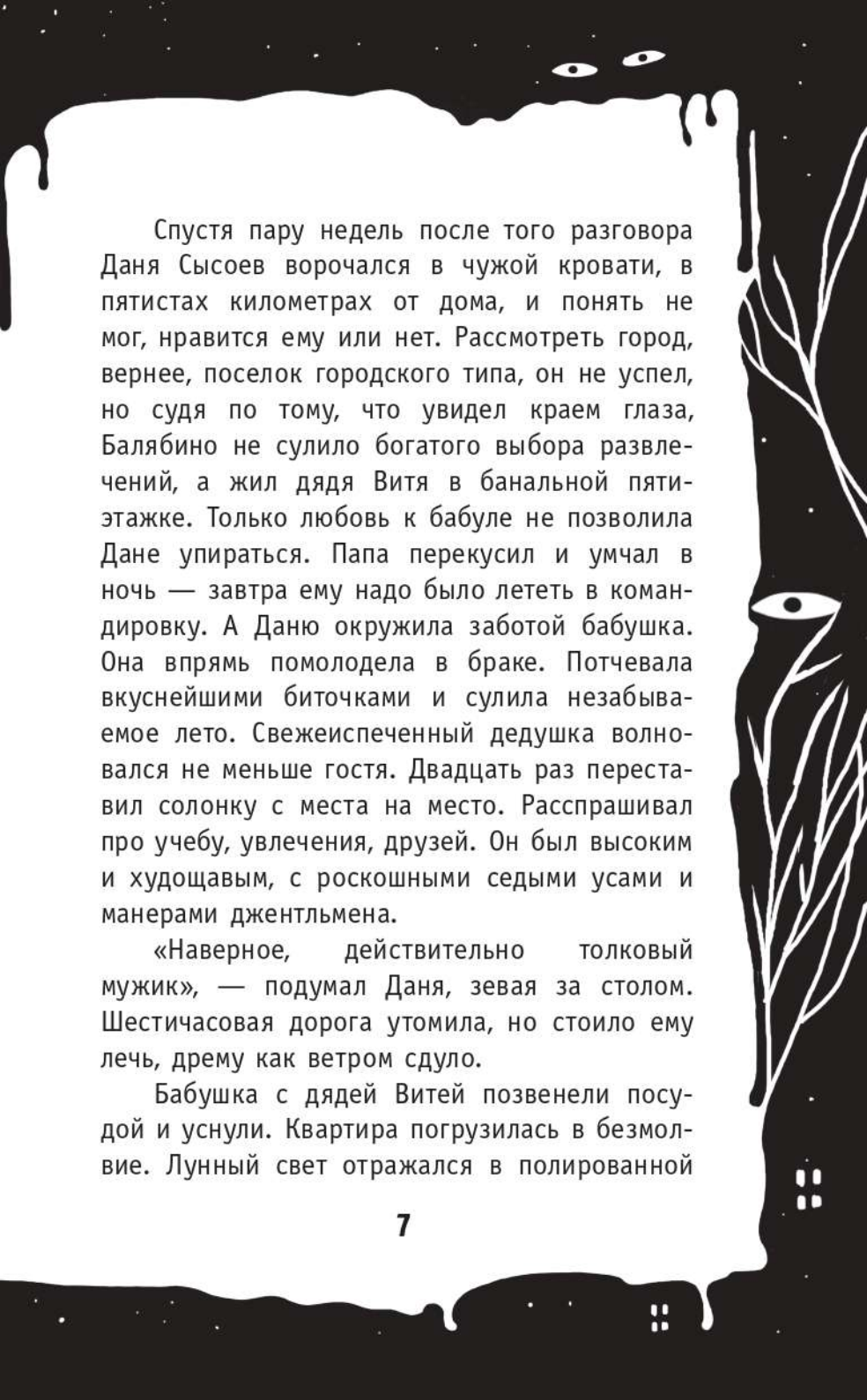
Выяснилось: таких ограничений нет. И по весне бабуля пошла под венец. Даня поехать на свадьбу не смог — подхватил грипп и валялся с температурой. Сысоевы делегировали папу. Он, вернувшись, доложил, что бабуля счастлива, а про избранника сказал только: «Толковый мужик».

Оба Даниных деда умерли еще до его рождения, и он завидовал друзьям, которые ходили с дедушками на рыбалку, по грибы, да куда угодно. А теперь и у него появился дедуля, пусть и не родной. Постепенно Даня свыкся с мыслью, что бабушка — новобрачная, и ждал каникул, чтобы традиционно отправиться к ней в Ростов.

— Как не в Ростов? — Он удивленно заморгал.

— Бабушка переехала, — объяснила мама. — К дяде Вите. В... Как его? Билибино?

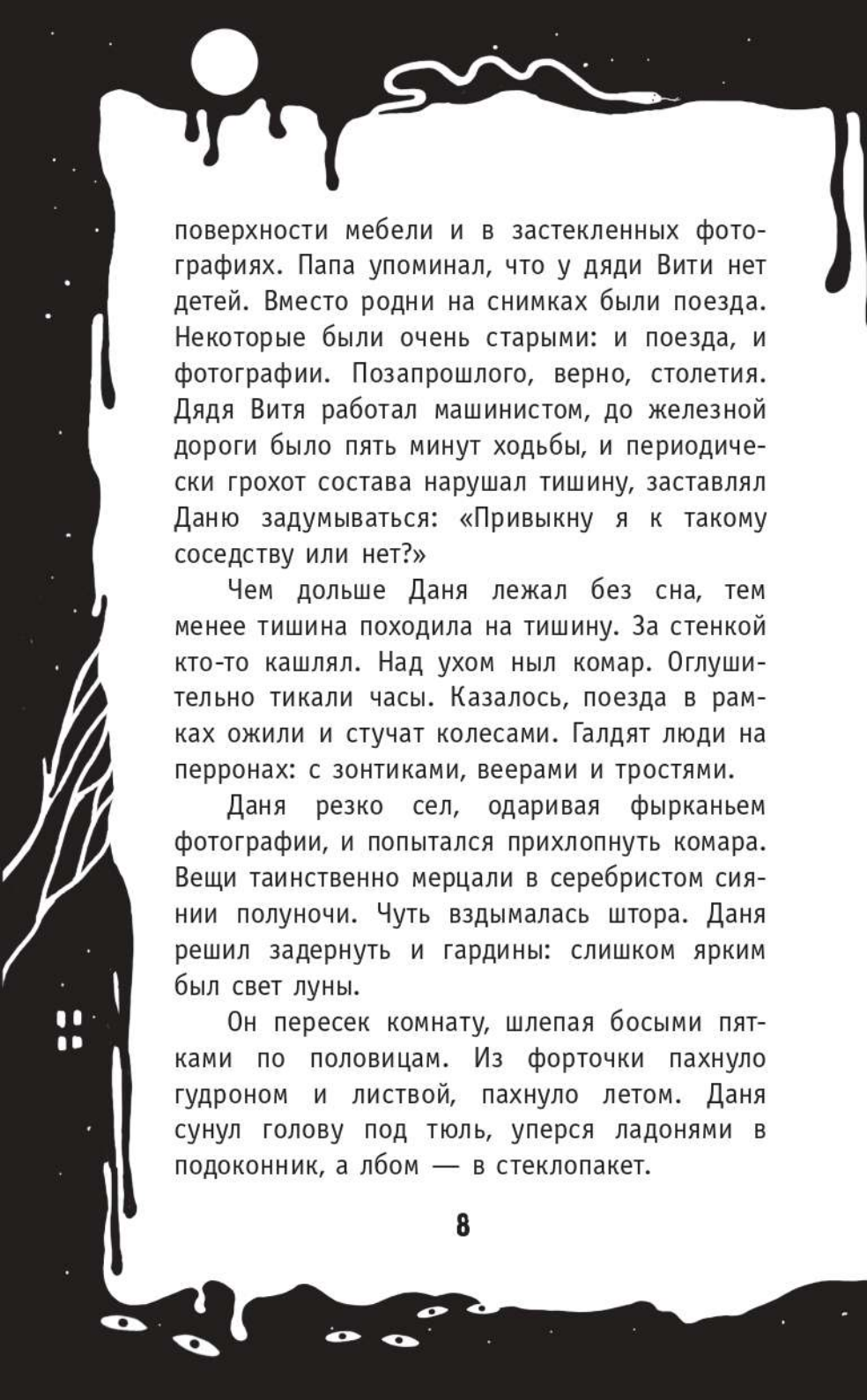
— Балябино, — подсказал папа. — Я, между прочим, оттуда родом. Там-то ты и проведешь десять дней. Уверяю, тебе понравится.

Спустя пару недель после того разговора Даня Сысоев ворочался в чужой кровати, в пятистах километрах от дома, и понять не мог, нравится ему или нет. Рассмотреть город, вернее, поселок городского типа, он не успел, но судя по тому, что увидел краем глаза, Балябино не сулило богатого выбора развлечений, а жил дядя Витя в банальной пятиэтажке. Только любовь к бабуле не позволила Дане упираться. Папа перекусил и умчал в ночь — завтра ему надо было лететь в командировку. А Даню окружила заботой бабушка. Она впрямь помолодела в браке. Потчевала вкуснейшими биточками и сулила незабываемое лето. Свежеиспеченный дедушка волновался не меньше гостя. Двадцать раз переставил солонку с места на место. Расспрашивал про учебу, увлечения, друзей. Он был высоким и худощавым, с роскошными седыми усами и манерами джентльмена.

«Наверное, действительно толковый мужик», — подумал Даня, зевая за столом. Шестичасовая дорога утомила, но стоило ему лечь, дрему как ветром сдуло.

Бабушка с дядей Витей позвенели посудой и уснули. Квартира погрузилась в безмолвие. Лунный свет отражался в полированной

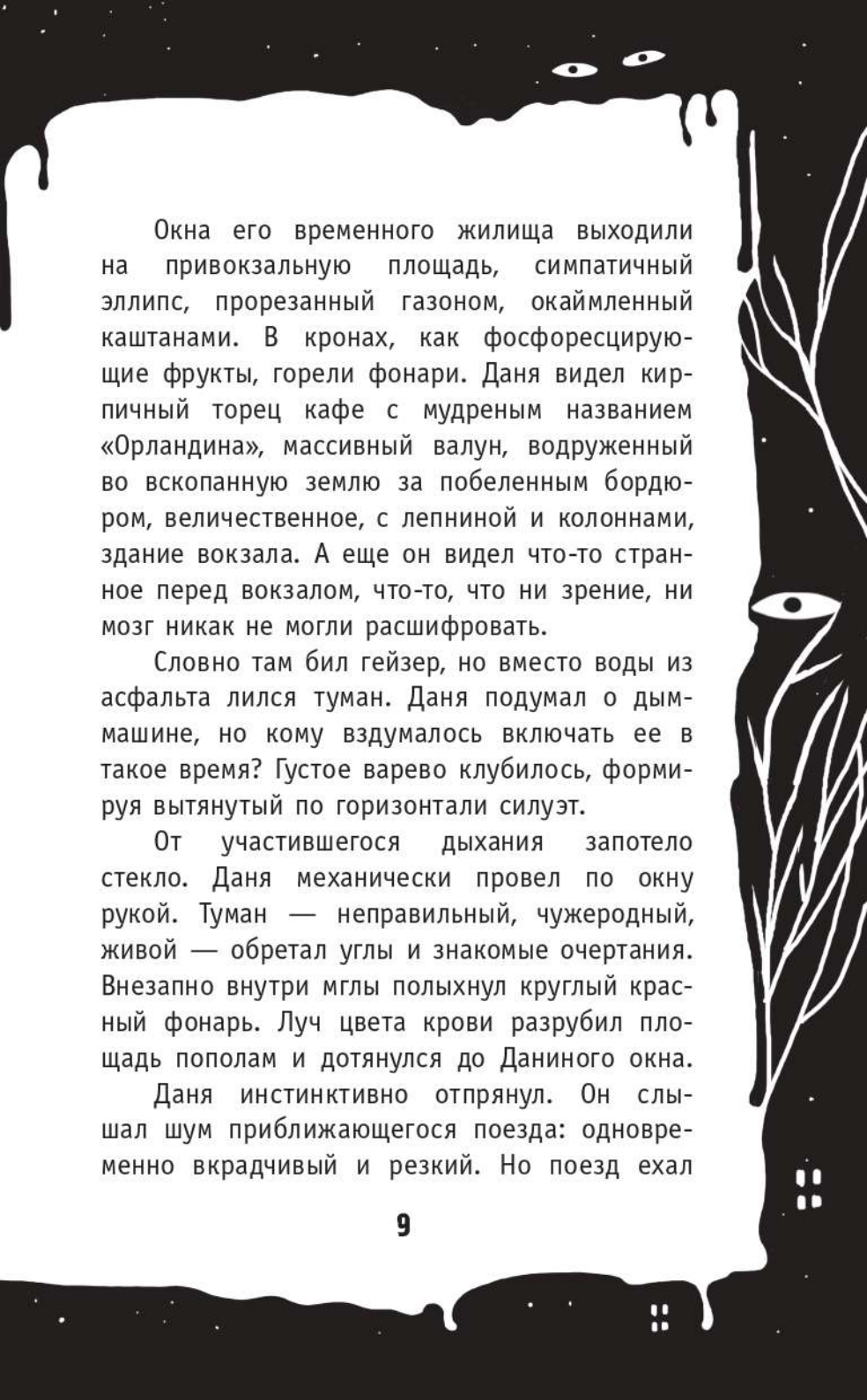
поверхности мебели и в застекленных фотографиях. Папа упоминал, что у дяди Вити нет детей. Вместо родни на снимках были поезда. Некоторые были очень старыми: и поезда, и фотографии. Позапрошлого, верно, столетия. Дядя Витя работал машинистом, до железной дороги было пять минут ходьбы, и периодически грохот состава нарушал тишину, заставлял Даню задумываться: «Привыкну я к такому соседству или нет?»

Чем дольше Даня лежал без сна, тем менее тишина походила на тишину. За стенкой кто-то кашлял. Над ухом ныл комар. Оглушительно тикали часы. Казалось, поезда в рамках ожили и стучат колесами. Галдят люди на перронах: с зонтиками, веерами и тростями.

Даня резко сел, одаривая фырканьем фотографии, и попытался прихлопнуть комара. Вещи таинственно мерцали в серебристом сиянии полуночи. Чуть вздымалась штора. Даня решил задернуть и гардины: слишком ярким был свет луны.

Он пересек комнату, шлепая босыми пятками по половицам. Из форточки пахло гудроном и листвой, пахло летом. Даня сунул голову под тюль, уперся ладонями в подоконник, а лбом — в стеклопакет.

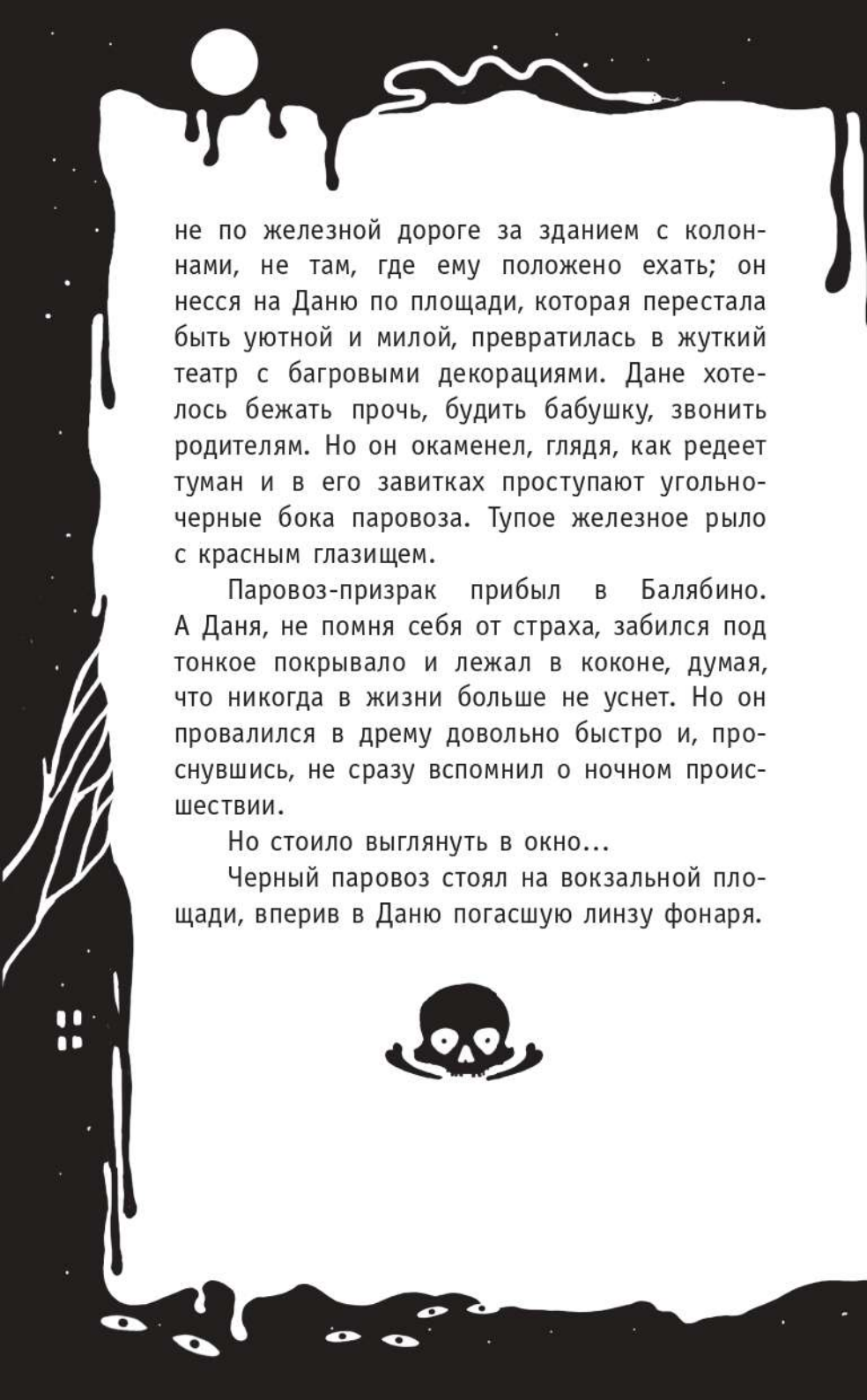

Окна его временного жилища выходили на привокзальную площадь, симпатичный эллипс, прорезанный газоном, окаймленный каштанами. В кронах, как фосфоресцирующие фрукты, горели фонари. Даня видел кирпичный торец кафе с мудреным названием «Орландина», массивный валун, водруженный во вскопанную землю за побеленным бордюром, величественное, с лепниной и колоннами, здание вокзала. А еще он видел что-то странное перед вокзалом, что-то, что ни зрение, ни мозг никак не могли расшифровать.

Словно там бил гейзер, но вместо воды из асфальта лился туман. Даня подумал о дым-машине, но кому вздумалось включать ее в такое время? Густое варево клубилось, формируя вытянутый по горизонтали силуэт.

От участившегося дыхания запотело стекло. Даня механически провел по окну рукой. Туман — неправильный, чужеродный, живой — обретал углы и знакомые очертания. Внезапно внутри мглы полыхнул круглый красный фонарь. Луч цвета крови разрубил площадь пополам и дотянулся до Даниного окна.

Даня инстинктивно отпрянул. Он слышал шум приближающегося поезда: одновременно вкрадчивый и резкий. Но поезд ехал

не по железной дороге за зданием с колоннами, не там, где ему положено ехать; он несся на Даню по площади, которая перестала быть уютной и милой, превратилась в жуткий театр с багровыми декорациями. Дане хотелось бежать прочь, будить бабушку, звонить родителям. Но он окаменел, глядя, как редет туман и в его завитках проступают угольно-черные бока паровоза. Тупое железное рыло с красным глазищем.

Паровоз-призрак прибыл в Балябино. А Даня, не помня себя от страха, забился под тонкое покрывало и лежал в коконе, думая, что никогда в жизни больше не уснет. Но он провалился в дрему довольно быстро и, проснувшись, не сразу вспомнил о ночном происшествии.

Но стоило выглянуть в окно...

Черный паровоз стоял на вокзальной площади, вперив в Даню погасшую линзу фонаря.

Глава 2

ГРОБ НА КОЛЕСИКАХ

На кухне играла музыка. Бабушка пританцовывала у плиты в такт рок-н-роллу из динамиков ноутбука. Аромат скворчащей еды пробудил аппетит, а бабушкины танцы прогнали тревогу. По крайней мере, забили ее в дальний угол.

— А, соня! — Бабушка потрепала Даню по волосам. — Мастаки вы с Виктором Леонтьевичем спать!

— Кто тут спит? — Дядя Витя вышел из ванной, разглаживая усы. — Я уже и побриться успел.

— Побриться он успел! — хмыкнула бабушка. — А я три круга вокруг стадиона прошла, на рынок сходила и... Оп! — Она водрузила на стол тарелки. — Сырники готовы!

— Обожаю сырники! — сказал дядя Витя.

— И я! — воскликнул Даня.

— Сметану берите, мальчики.

— Куда ж без сметаны! — согласился дядя Витя.

Первая партия сырников моментально исчезла с тарелок — быстро подоспела следующая.

— Вы жуйте как следует, — засмеялась бабушка. — Это не конкурс на скорость.

— Слишком вкусно, — оправдался дядя Витя. На кончиках его усов белела сметана.

— Обжора, — сказала бабушка, а Даня хихикнул.

— Как вы познакомились? — спросил он, сделав глоток горячего какао.

— Мы в одной школе учились, — сообщил дядя Витя. — Я в твою бабушку с пятого класса был влюблен.

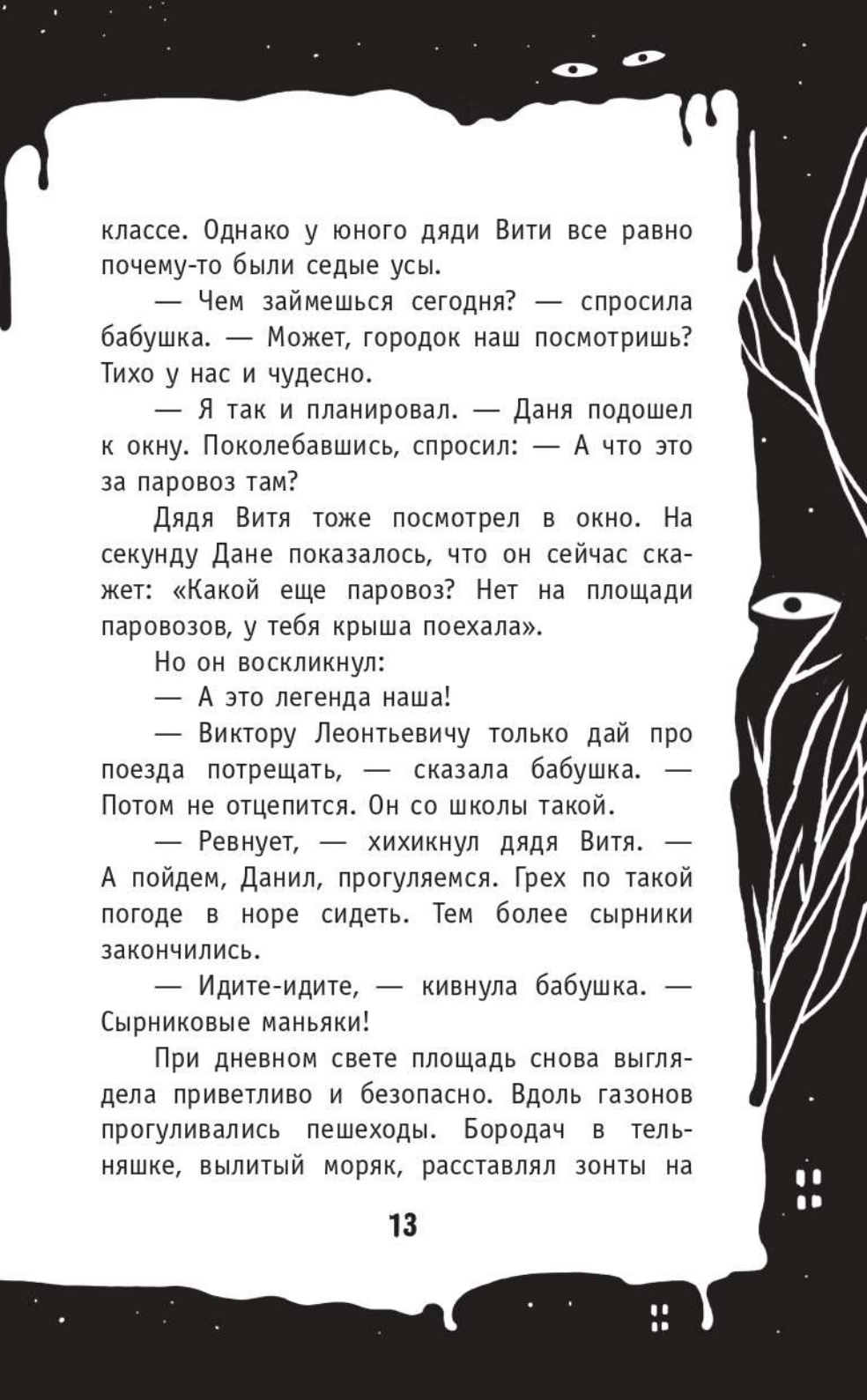
— А рюкзак помочь нести ни разу не предложил, — посетовала бабушка.

— Слишком стеснительным был. Потом жалел.

— Я переехала в другой город, судьба развела...

— И вот снова свела. Благодаря Интернету.

— Круто! — сказал Даня. Он доел и вызвался помыть тарелки. Представлял, как бабушка и дядя Витя выглядели в пятом

классе. Однако у юного дяди Вити все равно почему-то были седые усы.

— Чем займешься сегодня? — спросила бабушка. — Может, городок наш посмотришь? Тихо у нас и чудесно.

— Я так и планировал. — Даня подошел к окну. Поколебавшись, спросил: — А что это за паровоз там?

Дядя Витя тоже посмотрел в окно. На секунду Дане показалось, что он сейчас скажет: «Какой еще паровоз? Нет на площади паровозов, у тебя крыша поехала».

Но он воскликнул:

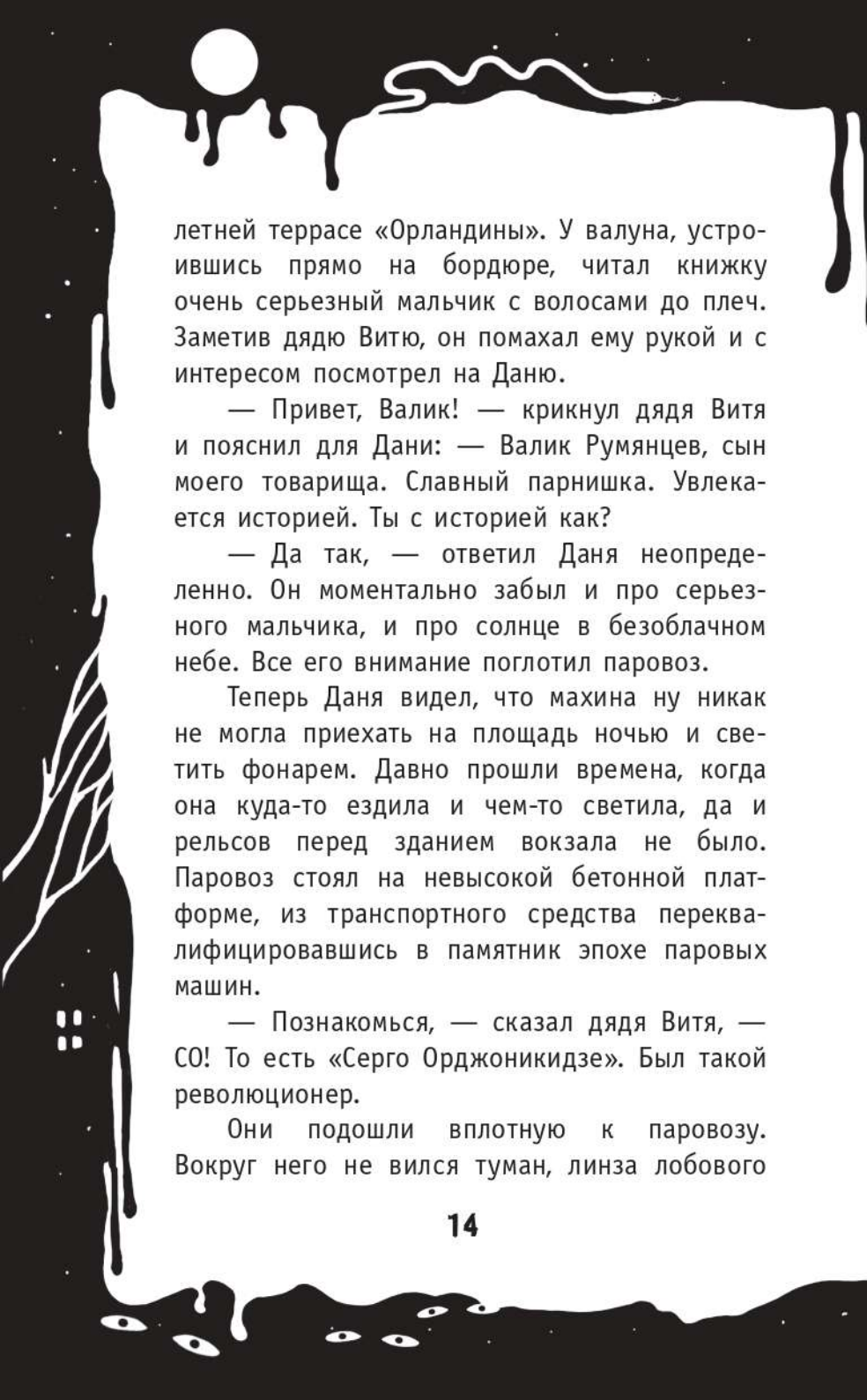
— А это легенда наша!

— Виктору Леонтьевичу только дай про поезда потрещать, — сказала бабушка. — Потом не отцепится. Он со школы такой.

— Ревнует, — хихикнул дядя Витя. — А пойдем, Данил, прогуляемся. Грех по такой погоде в норе сидеть. Тем более сырники закончились.

— Идите-идите, — кивнула бабушка. — Сырниковые маньяки!

При дневном свете площадь снова выглядела приветливо и безопасно. Вдоль газонов прогуливались пешеходы. Бородач в тельняшке, вылитый моряк, расставлял зонты на

летней террасе «Орландины». У валуна, устроившись прямо на бордюре, читал книжку очень серьезный мальчик с волосами до плеч. Заметив дядю Витю, он помахал ему рукой и с интересом посмотрел на Даню.

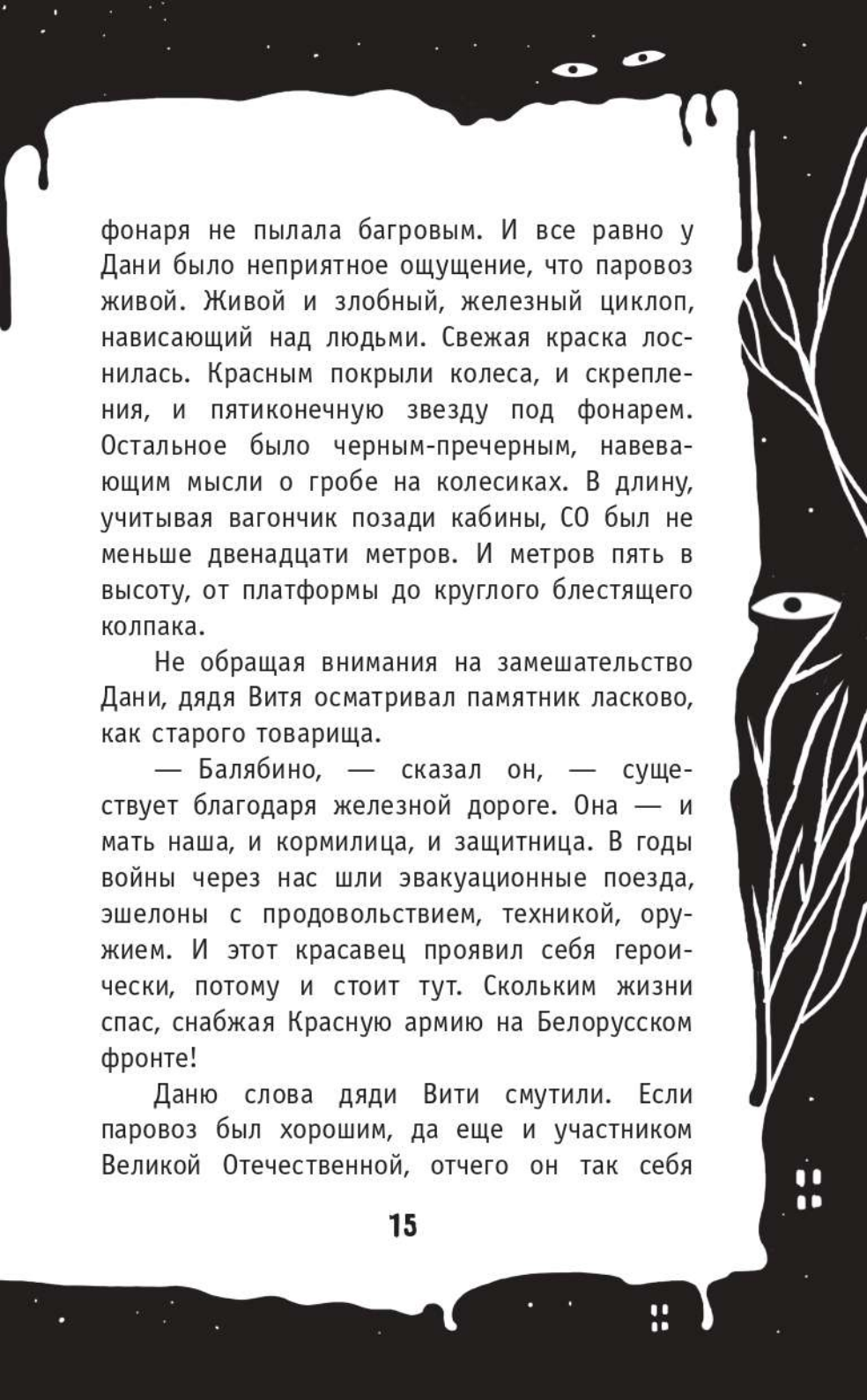
— Привет, Валик! — крикнул дядя Витя и пояснил для Дани: — Валик Румянцев, сын моего товарища. Славный парнишка. Увлекается историей. Ты с историей как?

— Да так, — ответил Даня неопределенно. Он моментально забыл и про серьезного мальчика, и про солнце в безоблачном небе. Все его внимание поглотил паровоз.

Теперь Даня видел, что махина ну никак не могла приехать на площадь ночью и светить фонарем. Давно прошли времена, когда она куда-то ездила и чем-то светила, да и рельсов перед зданием вокзала не было. Паровоз стоял на невысокой бетонной платформе, из транспортного средства перекалфицировавшись в памятник эпохе паровых машин.

— Познакомься, — сказал дядя Витя, — СО! То есть «Серго Орджоникидзе». Был такой революционер.

Они подошли вплотную к паровозу. Вокруг него не вился туман, линза лобового

фонаря не пылала багровым. И все равно у Дани было неприятное ощущение, что паровоз живой. Живой и злобный, железный циклоп, нависающий над людьми. Свежая краска лоснилась. Красным покрыли колеса, и скрепления, и пятиконечную звезду под фонарем. Остальное было черным-пречерным, навевающим мысли о гробе на колесиках. В длину, учитывая вагончик позади кабины, СО был не меньше двенадцати метров. И метров пять в высоту, от платформы до круглого блестящего колпака.

Не обращая внимания на замешательство Дани, дядя Витя осматривал памятник ласково, как старого товарища.

— Балябино, — сказал он, — существует благодаря железной дороге. Она — и мать наша, и кормилица, и защитница. В годы войны через нас шли эвакуационные поезда, эшелоны с продовольствием, техникой, оружием. И этот красавец проявил себя героически, потому и стоит тут. Скольким жизни спас, снабжая Красную армию на Белорусском фронте!

Даню слова дяди Вити смутили. Если паровоз был хорошим, да еще и участником Великой Отечественной, отчего он так себя